

была она в то время, однако, не чем другим, как овцой. Удивляет утопийцев, что золото, по самой природе своей столь никчемное, ныне у всех народов в такой большой цене, что сам человек из-за которого и для пользы которого приобрело оно эту цену, стоит гораздо дешевле, чем золотой, вплоть до того, что какому-нибудь глупому чурбану, в котором дарований не более, чем в колоде, услуживает, однако, много умных и добрых людей только лишь оттого, что ему досталась большая куча золотых монет; если же какой-либо случай или какой-нибудь выверт закона (который не хуже самого случая может переместить все вверх дном) перенесет эти монеты от господина к наименее презреннейшему из всей его челяди шалопаю, получится, что, немного погодя, господин перейдет в услужение к рабу своему как довесок или добавление к деньгам. Впрочем, гораздо более удивляет и отвращает утопийцев безумие людей, которые воздают только что не божеские почести тем богатым, которым они ничего не должны, ни в чем не подвластны и которых не за что почитать, кроме как за то, что они богаты. И при этом они знают, что те столь низки и скаредны, что вернее верного разумеют: из всей этой кучи денег при жизни богатых не достанется им никогда ни единой монетки.

Эти мнения и подобные им утопийцы частично усвоили из воспитания. Они были воспитаны в государстве, установления которого находятся далее всего от такого рода глупостей. Частично же – из чтения и изучения книг. Ибо, хотя в каждом городе немного тех, кто освобожден от прочих трудов и приставлен к одному только учению (это как раз те, в ком с детства обнаружили выдающиеся способности, отменное дарование и склонность к полезным наукам), однако учатся все дети, и большая часть народа, мужчины и женщины, всю жизнь – те часы, которые, как мы сказали, свободны от трудов, – тратят на учение. Науки они изучают на своем языке. Ибо он не скуден словами, и не без приятности для слуха и не лживей другого передает мысли. Почти тот же язык распространен в большей части того мира (разве только повсюду он более испорчен – где как). До нашего приезда туда не доходило даже никакого слуха обо всех тех философах, имена которых весьма знамениты в этом, известном нам, мире; и, однако, в музыке, диалектике, а также в науке счета и измерения утопийцы изобрели почти все то же самое, что и наши древние. Впрочем, насколько они во всем почти равны жившим в старину, настолько далеко не могут они сравниться с изобретениями новых диалектиков. Ибо не изобрели они ни одного-единственного, проницательнейшим образом продуманного правила ограничения, расширения и подстановках, которые повсюду здесь учат дети в "Малой логике". Затем "Вторые интенции" так далеки они у них от достаточного исследования, что никто из них не мог увидеть так называемого "самого человека вообще", хотя он, как вы знаете, столь велик, что больше любого гиганта, – мы можем на него даже пальцем указать. Однако утопийцы весьма сведующи в полете и движении небесных тел. Более того, они искусно придумали орудия разного вида, с помощью которых наилучшим образом улавливают они движение Солнца и Луны, а также и прочих светил, которые видны на их небосводе. Впрочем о дружбе и раздорах планет и, наконец, обо всем этом обмане лживых прорицаний по звездам они не помышляют и во сне. Дожди, ветры и прочие перемены погоды они предугадывают по некоторым приметам, хорошо известным из долгого опыта. Но о причинах всех этих вещей и о приливах моря, его солености, вообще о происхождении и природе неба и мироздания они отчасти рассуждают, как наши древние; они, как и те, расходятся друг с другом и, когда приводят новые доводы, не во всем соглашаются и не полностью сходятся.

В той части философии, в которой речь идет о нравственности, они судят подобно нам; они исследуют благо духовное, телесное, внешнее, потом приличествует ли наименование блага всему этому или только достоинствам духа. Они рассуждают о добродетели и удовольствии. Однако первый из всех и главный у них спор о том, в чем состоит человеческое счастье – в чем-нибудь одном или же во многом. И в этом деле, кажется, более, чем надобно, склоняются они в сторону группы, защищающей удовольствие, в котором, считают они, заключено для людей все счастье или же его важнейшая доля.

Еще более тебя удивит, что они для этого приятного мнения ищут покровительства религии, которая сурова и строга и обыкновенно печальна и непоколебима. Ведь никогда они не говорят о счастье, чтобы не соединить с ним некоторые начала, взятые из религии, а также философии, использующей доводы разума, – без этого, они полагают, само по себе исследование истинного счастья будет слабым и бессильным. Эти начала такого рода. Душа бессмертна и по благодати Божией рождена для счастья, за добродетель и добрые дела назначена после этой жизни нам награда, а за гнустности – кара. Хотя это относится к религии, однако они считают, что к тому, чтобы поверить